

УДК 37.034

# «РУССКИЙ МИР» И ФИЛОСОФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

**БЕЛОЗЕРЦЕВ Евгений Петрович,**

заслуженный деятель науки РФ, доктор педагогических наук, профессор кафедры общей и социальной педагогики,  
Воронежский государственный педагогический университет

**АННОТАЦИЯ.** Автор в контексте современных сложившихся обстоятельств рассматривает понятие «русский мир» как необходимый стимул к размышлению о различных состояниях Человека и его образовании; педагогике как гуманитарном знании о развивающемся человеке в развивающемся мире, в конечном итоге возвращается к вековым ценностям нашей истории и культуры.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** Русский мир, Человек, интеллигент, аристократ, элита, «образованщина», «элитарщина», образованный человек, современная педагогика.

**BELOZERTSEV E.P.,**

Honored Scientist of Russian Federation, Dr. Pedagog. Sci., Professor  
of the Department of General and Social Pedagogy,  
Voronezh State Pedagogical University

«RUSSIAN SPACE» AND THE NATIONAL EDUCATION PHILOSOPHY

**ABSTRACT.** In under present circumstances and in connection with the concept of Russia's space, the author considers it as a major impetus to reflect on different statuses of Man and his education and on pedagogy as humanities knowledge of the developing man in the developing world to eventually return to eternal values of our history and culture.

**KEY WORDS:** Russia's space, Man, intellectual, aristocrat, pseudo-education, psrudo-elitism, educated man, modern pedagogy.

**Т**ема образования в последние годы превратилась в интеллектуальный фон, фактор, предпосылку, условие развития России, порой неоднозначное, противоречивое, но реальное и постоянное, что и формирует соответствующие состояния ее граждан.

Общественное движение граждан России – Всемирный Русский Народный Собор (ВРНС) – более 20 лет размышляет о месте России в судьбе человечества; вырабатывает и предлагает гармоничную форму общественного устройства; прогнозирует завтрашнее, заглядывает в будущее русского народа.

В 2001 году на VI Соборе – «Россия: вера и цивилизация. Диалог эпох» – участники обсуждали: «Является ли Россия особой, уникальной, самостоятельной цивилизацией, равновеликой Западу, Индии или Китаю?». Ответ на этот вопрос оказался утвердительным. Аргументы положительного ответа, к которым обращались участники дискуссии: упоминание творческого наследия выдающихся русских и зарубежных исследователей, признававших Россию самостоятельным, самобытным обществом (Н. Данилевский, Арн. Тойнби, О. Шпенглер и др.); возникновение в начале XX века яркого направления в гуманитарной науке – русской религиозной философии; теоретические разработки историков; выдающиеся достижения в культуре, искусстве, технике; исторический опыт России, ее способность находить неповторимый национальный ответ на вызовы времени, ее уникальная роль в переломные моменты человеческой истории.

В октябре 2013 года участники XVII Всемирного Русского Народного Собора продолжали коллективно обсуждать цивилизационную проблему, учиты-

вая события последних лет: может ли Россия по-прежнему считаться великой цивилизацией, сохранили ли мы это право? Участники Собора пришли к следующему выводу: «Да, Россия – это страна – цивилизация, со своим собственным набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства, своей системой исторических и духовных координат» [1].

В своем выступлении на открытии XVII ВРНС Святейший Патриарх Кирилл сказал: «Ценность любой цивилизации – не в том, во сколько миллиардов долларов оценивается ее совокупный продукт за истекший год, и не в том, сколько у нее приверженцев на сегодняшний день. Ценность любой цивилизации – в том, что она несет человечеству. И перед каждой цивилизацией стоит вопрос: способна ли она отражать в мыслях, чувствах, словах и делах ту непреходящую правду, которая имеет значение в вечности?» [там же].

Собор назвал своеобразные признаки России как современной цивилизации: опыт строительства справедливых и мирных межнациональных отношений; особый опыт многополярного и многоукладного бытия; традиция самоограничения, столь важная в обстановке надвигающегося дефицита ресурсов и острого экологического кризиса; концепция нравственных ценностей, не позволяющая девальвировать институт семьи и разрушить жизненные ориентиры личности; идея человеческой солидарности.

В центре размышлений, дискуссии находится русский человек, русская тема, русский мир. Русский мир как исторический факт, культурно-

цивилизационное явление, феномен, включающий в себя Россию и русское зарубежье, не только русских, россиян, соотечественников в странах ближнего и дальнего зарубежья, но и иностранных граждан, говорящих на русском языке и изучающих или преподающих русский язык, тех, кто интересуется Россией, кто неравнодушен к ее настоящему и будущему. Повседневность бытия, модель, образ, особое понятие существует на протяжении почти 150 лет, является примером культурной константы, межкультурного взаимодействия, серьезного повода для понимания истории России, ее современных возможностей в экономике, науке, образовании.

В последние годы жизнь и заботы соотечественников в разных странах мира составляют одно из основных направлений внешней политики Российской Федерации. Федеральные министерства и ведомства имеют сегодня нормативно-правовые документы и ежегодные планы по конкретным направлениям поддержки выходцев из России. Важнейшим является Федеральный закон «О государственной политике в отношении соотечественников за рубежом». За сравнительно короткое время в более чем 40 странах мира открыто 90 центров «Русского мира».

В 2007 г. создана Ассамблея Русского мира, которая в День народного единства ежегодно собирает тысячи представителей различных общественных, некоммерческих, волонтерских организаций из 80 стран мира, что свидетельствует об исторической миссии многомиллионной диаспоры – причастности к проблемам нашей страны, заинтересованности в сохранении ее ценностей и традиций. В этом же году создан Фонд «Русский мир».

Активные инициативы Ассоциации исследователей российского общества (АИРС – XXI) в последние годы привели к значительному и масштабному издательскому проекту в шести томах, посвященному истории Русского мира в XX веке [2].

В общественный и научный лексикон понятие «Русский мир» и проблематика Русского мира стремительно вошли в последнее десятилетие. До этого Русский мир имел мифологизированное содержание религиозного или художественного наполнения. Сегодня можно и нужно говорить о довольно основательном концептуальном категориальном оснащении одного из фундаментальных гуманитарных понятий.

Русский мир: «Международное трансгосударственное и трансконтинентальное сообщество, объединенное причастностью к России и лояльностью к русскому языку и культуре» (В.А. Тишков).

«Цивилизационное, социокультурное и наднациональное пространство, охватывающее около трети миллиарда русскоязычных людей или почти каждого двадцатого жителя планеты, которые обладают духовными и ментальными признаками русскости и неравнодушны к судьбе и месту России в мире» (О.Н. Батанова).

Теперь имеются геополитическая и геоэкономическая трактовки Русского мира (В.Л. Цымбурский и П.Г. Щедровицкий).

Названы опоры Русского мира: православие; русская культура и русский язык; общая историческая память и общие взгляды на общественное развитие (Г.В. Друзенко) [3].

Можно ли добиться такого состояния, когда человек хочет, стремится и выстраивает свои отношения разумно и благоговейно к миру, в котором рождается, растет, развивается, формируется, воспи-

тывается, становится, решая три задачи – кем быть, каким быть, с кем быть?

Можно и нужно! Для этого необходимо проявить мужество и признать, что евро-американская модель образования формирует в русском самосознании «сильное чувство затравленности», стабилизирует такое состояние, когда «у русских нет господствующего позитивного самообраза, что делает их очень зависимыми от внешних оценок. Соответственно, возникает и болезненная зависимость от русофобских отзывов со стороны» [4].

«Русский мир» дает шанс, он неизбежно заставляет возвратиться к философии отечественного образования с целью преодоления «вывертов» модернизации современного образования. Подвижники Русского мира среди главных его опор не называют образование, но, кажется мне, – подразумевают. Философия русской школы давно сформулирована в истории Государства Российского.

Как можно интерпретировать главные опоры «Русского мира», имея в виду отечественную школу, русскую школу, вообще образование?

#### Православие

Реформы последних лет, так называемые инновации в образовании и педагогике, продолжают, углубляют процесс секуляризации: образование для человека без духовной составляющей; педагогика без связей с идеями святоотеческой и опытом народной педагогики. Ложь продолжается.

Обращаясь к культурному наследию России, вникая в исторические, философские, археологические, фольклорные, литературные, педагогические произведения, приходим к выводу о том, что *не обращать внимания на религиозный компонент нашего бытия не просто ошибочно, но и методологически не верно, более того, невежественно*. Любые варианты аргументации, исключающие веру из тем научной дискуссии приводят к неправильным выводам, ложным подходам и неадекватным методам, что свидетельствует о секуляризованном знании.

Отметим, что религия и философия в отношении к педагогике занимают особую позицию в гуманитарном знании, поскольку педагогике, в сущности, нужно философское и религиозное обоснование, то есть связывание с целостной жизнью. Педагогика привития к религиозному корню, благодаря догматико-канонической стабильности, заведомо избавлена от множества антиномий, неопределенностей, несуразиц, связанных с обоснованием цели и принципов воспитания, разработкой и иерархичным выстраиванием ведущих категорий и т.д. Православное христианство предлагает нам целостный взгляд на человека, культурно-образовательную среду и особенности ее организации, специфику взаимодействия в схемах типа «Мир и человек», «Бог – человек», «человек – человек», «человек – окружающая среда» и т.д.

Предложить вариант развития российского общества, принятого большинством граждан, можно только в одном единственном случае – выстроить траекторию развития современного общества как органически продолженное развитие предыдущей истории и культуры. И только в этой системе координат может быть правильно сформулирована идеология, содержание и технология совершенствования современного российского образования.

#### Русская культура и русский язык

Русская культура, освященная Троицей и пронизанная триединством, своим кодом имеет русский язык.

В истории и культуре России есть блистательный факт появления триединой формулы, составляющей основу русской идеологии. Вспомним, что такая формулировка возникла в контексте событий и настроений российских граждан в ходе Отечественной войны 1812 года. Тогда появился и приобрел величайшую популярность призыв «За веру, Царя и Отечество!». В нем ладно соединились смыслоопределяющие для русского человека ценности.

XIX век ознаменовался ставшей широко известной триадой, которая иногда называется уваровской: «Православие. Самодержавие. Народность». Появление ее – уникальный факт истории и культуры нашего отечества. Надо признать, что «уваровская триада» на многие десятилетия стала объектом и предметом специальной самостоятельной дискуссии, участники которой обсуждали различные стороны идеологии России, не скрывая своих взглядов и не сдерживая эмоций, поскольку эта тема была для них жизненно важной.

При разном отношении к «уваровской триаде» надо признать, что министр сумел понять и выразить настроение российского общества, сформулировал целостную концепцию русской идеологии, лаконично, в трех словах определили сущность, содержание, структуру живого организма, имя которого Россия. Вполне понятно, что в наши дни «уваровская триада» в формулировке XIX века не может быть идеологической основой современной России. Но также понятно, и это признают многие современники, органичной и перспективной идеологией сегодня сможет стать только система идеалов, норм и ценностей, обнаруживающая генетическую культурно-историческую связь с триадой министра просвещения.

Основоположник отечественной педагогики К.Д. Ушинский оставил свою триаду – «Народность. Православие. Наука», полагая, что она станет нашим духовно-образовательным наследием. Три идеи и три принципа Ушинского, как показывает наша история и наша культура, являются основой строительства образования в России. Идеологию, содержание и технологию отечественного образования пронизывает триединство, которое и может стать алгоритмом возрождения образования в современной России. К.Д. Ушинский неоднократно отмечал, что основная идея народного образования – есть идея глубоко философская, религиозная и психологическая; воспитание – преднамеренная деятельность, осуществляемая школой, воспитателями, наставниками; «непреднамеренные воспитатели» – природа, семья, общество.

Наследие К.Д. Ушинского помогает преодолеть педагогические предпочтения и штампы, определяет вектор развития отечественного образования при соответствующем к нему отношении.

Многолетние размышления о научной и практической педагогике, а особенно анализ диссертаций, монографий, учебных пособий, защищенных и опубликованных в последние годы, позволяют заметить высокую степень субъективизма, личных пристрастий, симпатий или антипатий, что приводит к довольно вольному обращению с содержанием и количеством таких важных категорий, как закономерности, принципы, да и других педагогических понятий. По нашему мнению, в деле образования каноническим подходом может быть и должна стать триединность. В работе со студентами, аспирантами и коллегами мы пришли к выводу о самодостаточ-

ности триады для понимания истории образования, сегодняшнего состояния и его перспектив.

На рубеже XX и XXI вв., осмысливая историко-культурное наследие, философию, историю отечественного образования, удалось сформулировать триединство нашего образования: три задачи отечественного образования – интеллектуальное, духовное, физическое развитие человека; три урока отечественного образования; три тенденции развития образования; три константы, три функции, три ценности, три идеи, три принципа образования (В.В. Розанов). Триединство отечественного образования естественным путем гармонично соединяет свято-отеческое и светское; историческое – культурологическое – философское; государственное – общественное – персоналистическое наследие [5].

#### **Общая историческая память и общие взгляды на общественное развитие**

По существу речь идет об уникальном феномене русской нации – соборности – при общей исторической памяти и общих взглядах – «единство во множественности».

Идея соборности уходит своими корнями во времена древние, в дохристианскую Русь. Однако стержнем и основой русской соборности является православная вера. Истоками соборности стали также крестьянская община, артели и другие социально-исторические институты, возникавшие в Отечестве. Соборность, по В.И. Далю, – «сносить, свозить, связывать в одно место, стаскивать и соединять, совокуплять, приобщать одно к другому, скоплять».

С.Н. Булгаков связывает особое состояние души – соборность – с инстинктом национальности, который в процессе сознания переживается как некоторое глубинное, мистическое влечение к своему народу, что в конечном итоге рождает «крылья души». Соборность, по С.Н. Булгакову, – натуральное единство, нахождение себя в единстве с другими; переживание соборности – реальный выход из себя.

И.О. Лосский утверждал, что «соборность означает сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям».

Современный исследователь данного феномена Е.С. Троицкий убежден в том, что соборность является одним из главных понятий русской философии, православного богословия, нашего национального идеала – Русской идеи; соборность объединяет комплекс многообразных взаимосвязей и отношений: человек – нация, человек – природа, человек – личное «Я».

Идея соборности рождается из особого понимания и предназначения человека и национального дома.

Что означает соборность для образования? Единение множества «Я», жизнедеятельность которых сосредоточена в образовании; единение вокруг общего дела для достижения главного смысла и предназначения системы – сохранения единства индивидуального, коллективного и общественного; каждый сохраняет свою самоценность, свое «Я», остается самим собой, вносит в совместную жизнедеятельность свое личное, персональное, обогащает ее.

Соборность для образования – это взаимное духовное, душевное обогащение как условие успешного функционирования и развития каждого индивида, каждого субъекта, каждого человека.

Можно и нужно добиться такого состояния, когда человек хочет, стремится и выстраивает свои

отношения разумно и благоговейно к миру, в котором рождается, растет, развивается, формируется, воспитывается, становится, решая три задачи – кем быть, каким быть, с кем быть.

Для этого вместо увлечений моделями, технологиями, ЕГЭ, бюрократическими изысками необходимо обратить внимание на человека, его историческое и современное состояние, ибо человек – смысл, цель, субъект образования, состояние человека – есть текущий результат образования, состояние народа – есть глобальный итог образования; педагогика – интегральная гуманитарная наука о развивающемся человеке в развивающемся мире.

Вспомним: самое лучшее и самое худшее в человеке проявляется в новых, более сложных условиях. Условия современного человека сложные, ибо он оказался между двумя веками, между двумя государственными устройствами, между многими идеологиями, парадигмами, теориями, ценностями. Это время безвременья.

В таких условиях человек вынужден исполнять вековые, историей и культурой обусловленные роли: дочь – сын, сестра – брат, жена – муж, внучка – внук, невестка – зять, ученица – ученик, соседка – сосед, племянница – племянник, гражданка – гражданин, профессионалка – профессионал, патриотка – патриот. Исполняются роли в обстановке повальной девальвации образов и смыслов социальных ролей.

В 1991 году наш современник, истинный интеллигент, писатель В.Г. Распутин обратился к читателям с открытым письмом «Из огня да в полымя. Интеллигенция и патриотизм», в котором он подвел некоторый итог давней дискуссии, выразил собственное мнение о роли интеллигенции в российском обществе.

«*Настоящий интеллигент* не кичился тем, что он интеллигент, и уж тем более не брал на себя роль умственного центра, эдакого ходячего штаба, а жил в беспрестанных трудах во имя смягчения нравов, врачевания больных душ и мрачных сердец. Не зря сложился почти канонический образ, пусть идеализированный, подслащенный, но не из воздуха же взятый, если он не стерся до сих пор: интеллигент – человек мягкий, справедливый, соучастливый, просветительный, мирный. Он, бесспорно, человек умственных и гуманитарных занятий, но и ум у него мирный. В этом портрете есть и чужаковатость, и неотмирность, и незадачливость, и загадочность, и смешная самозабвенность, но никому от них вреда не бывает. Он милосерден к ближнему, а не к дальнему из светлого будущего, живет не идеями, а идеалами. Плоть от плоти, кость от кости, он еще и дух от духа России. Поэтому интеллигенция не может к такому чувству, как патриотизм, относиться хорошо или плохо, поскольку вырабатывает его из себя беспрестанным служением России, и службу свою видит в том, чтобы строить, улучшать, просвещать, упорядочивать, воспитывать, утверждать – все с сыновней любовью и радельным подвижничеством».

Если исходить из понимания писателя, по существу, мы имеем идеальный образ учителя. Вот настоящая модель учителя. В последние оканные годы мы смогли видеть, что учительство сохраняет подвижнические начала, верно и преданно хранит язык, культуру, память об истории, возвышенную красоту. Учителя, воспитатели, преподаватели вузов – это не робкие и бегущие от реальной действительности люди. А чем можно объяснить, что дет-

ский сад, школа, вуз, несмотря ни на что, работают в строгом соответствии с режимом образовательного учреждения?! Профессиональные успехи сопровождают тех, кто в большей степени соответствует истинным представлениям об интеллигенции.

А.И. Солженицын, не высланный еще на Запад, «ввел по адресу части советской интеллигенции термин “образованщина”». Надо признать, что это было прицельно точное обозначение разбухшей и духовно рыхлой, но привилегированной части общества. И Солженицын был прав, предрекая, что именно образованщина и утопит в своем болоте все, что в течение двух столетий было словом и делом русской интеллигенции. На место образованщины, считал он, должна прийти элита. Жертвенная по своей сути и роли элита, избранный, чистого служения сорт бескорыстных людей, некий фильтр, через который станет “протискиваться все духовно лучшее и собираться с противоположной стороны в достойный народ”».

Время, что ли, выпало нам такое несчастливое, что самые лучшие представления о чем-либо обнадлежающем тут же, не сделав даже и попытки к воплощению, превращаются в свою противоположность. То, что объявило себя сегодня элитой, ни по нравственному, ни по общественному праву быть ею никак не может.

Понятие элиты всегда несло в себе возвышенный и благородный смысл духовной и профессиональной (служебной) безупречности. Элитарный – лучший, благороднейший, красиво и талантливо состоявшийся. Самозванцы, присвоившие себе титул элиты, беспардонно объявившие себя цветом нации, наперебой выставляющиеся перед камерами с видом небожителей, – это люди иных «достоинств». По аналогии с «образованщиной» их должно называть «элитарщиной» – то, что буйно разрослось, но приносит никчемные или ядовитые плоды. По сравнению с «образованщиной» «элитарщина» стоит еще ниже и как бы обнаруживает уж совсем последние пределы того удивительного и нигде более не повторившегося явления, которое было русской интеллигенцией.

Элитарщина никому, кроме как себе самой, не служит, и все высокие понятия, которые еще оставались у образованщины, она публично презрела и высмеяла. Элитарщина купается в свободах, как в грязном половодье, и пользуется ими только для своего удовольствия. Элитарщина свое сознание сосредоточила только на себе, и никакой морали, кроме определенных правил поведения в своем кругу, у нее не осталось. Она откровенно стяжательна, надменна и открыто проповедует безнравственность и цинизм.

Ожидать ее добровольного выправления было бы сверхнаивно. Она в своей шкуре, в своей атмосфере, ей здесь удобно. И непогрешимые в чистоте целомудренных вкусов поклонники окружают ее бесконечным восторгом – так и будет, пока не изменится «атмосфера» [6].

Доктор философии, профессор, академик РАО А.А. Корольков заметил, что Солженицын – вовсе не первооткрыватель явления суррогатной образованности, что у него был великий предшественник, воистину узревший то, что еще никто не усмотрел. Речь идет, конечно же, о неисчерпаемом для нас Александре Сергеевиче Пушкине.

«...Пушкин психологически тонко подметил появление молодежи, готовой отвергать все традиционное, отеческое, родное ибо “соблазнительны для

развивающихся умов мысли и правила новые, отвергаемые законом и преданиями"». Такое увлечение новизной только оттого, что эта новизна находит адептов и поклонников в каждом поколении, прежде всего – людей, неукорененных в культуре, неглубоких, верхоглядов. Пушкин уловил (это прочитывается более чем современно в отношении нынешних западников и бездумных нигилистов), что как только исчезает из возносимого запретного учения «прелесть таинственности», «другие мысли, столь же детские, другие мечты, столь же несбыточные» приходят им на смену «и легкомысленный поклонник молвы видит в них опять и цель человечества, и разрешение вечной загадки, не воображая, что в свою очередь они заменяются другими».

Если бы такие мысли нашего гения, нашего Пушкина, были бы прочитаны, продуманы, прочувствованы предыдущими и нынешними молодыми людьми, горячими на отвержение наработанного предками, – презрением были бы окружены глашатаи революций, от политических до сексуальных.

Всем правителям России, экономиящим на образовании, культуре, следовало бы иметь перед глазами в собственном кабинете предостережение А.С. Пушкин: «Одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия».

*Пушкин умел быть абсолютно точным и в образах, и в определениях, требующих, казалось бы, особого, научного склада ума, особой выучки, непохожих на писательские. Пусть попытается кто-нибудь из ученых сказать лучше Пушкина о полупросвещенности. Даже осмыслить и внятно прокомментировать формулу полупросвещенности, данную Пушкиным, – особая философская задача, которая могла бы при вдумчивом отношении стать задачей для диссертационного или монографического исследования. Каждая отделенная точкой с запятой фраза в пушкинском определении полупросвещенности должна в таком исследовании стать заглавием раздела. Всмотритесь, вникните в это определение.*

*Полупросвещение – это «невежественное презрение ко всему прошедшему; слабоумное изумление перед своим веком; слепое пристрастие к новизне; частные поверхностные сведения, наобум принороченные ко всему».*

Модернизация образования – это ярчайший феномен полупросвещения. В модернизации есть все, что являет собой полупросвещенность – и презрение ко всему прошедшему; и изумление перед своим веком с его инновациями, информационными революциями; и слепое пристрастие к новизне; и неспособность постигнуть целостность преемственного становления культуры, цепляние за частное и частичное в культуре, провозглашаемое общечеловеческим» [7].

Многие авторитетные авторы едины в том, что страна и общество переживают кризис культурный, кризис духовный, кризис образовательный. Хорошо еще, если мы вынесем из него какие-то уроки: избавимся от обыкновения загонять жизнь в схему очередной полубившейся теории, например компетентный подход в образовании, и не будем пытаться «модернизировать» Россию и отдельные ее хозяйственные области без разработанной, озвученной и принятой большинством идеологии.

«В России основным признаком (или основанием для всех других признаков) благородства является нравственность. Конечно, нравственность и у других народов играет важную роль в жизни, но толь-

ко у русских она безоговорочно ставится выше политики, науки, искусства и даже религии. Это ни в коем случае не значит, что мораль у русских людей лучше, благороднее. Наоборот, многие моральные оценки и нормы могут быть чудовищно отсталыми по сравнению с культурными и прогрессивными странами, но склонность к нравственным исканиям у нас все равно будет сильнее. Таков характер русского народа, и его лучшие представители (аристократы) полнее других выражают этот сущностный признак.

Интересно, что тезис об особой склонности русского народа к нравственным исканиям и о соблюдении приоритета нравственных ценностей как отличительном признаке русских аристократических натур нельзя доказать логически. Это чувствовалось большинством русских философов и писателей и принималось без всяких доказательств большинством читателей. В том-то и специфика России, что нравственность и справедливость не из разума выводятся, а над разумом хотят встать. Выражение «Безумство храбрых – вот мудрость жизни» прекрасно передает особенность русского морализованного менталитета [8].

Можно и нужно добиться такого состояния, когда человек хочет, стремится и выстраивает свои отношения разумно и благоговейно к миру, в котором рождается, растет, развивается, формируется, воспитывается, становится, решая три задачи – кем быть, каким быть, с кем быть.

Для этого нам, всем вместе, необходимо преодолеть сознательно исковерканные понятия, извращенные замыслы, изощренную ложь и возвратиться к забытым или забываемым словам русского языка, имеющим сакральное значение для всего общества, будущего отечества, ибо эти слова про вековые ценности нашего образования. В образовании должен вернуться здравый смысл и все должны вспомнить, что главный смысл – стратегическая цель, конечным результатом образования является не технология, модель, ЕГЭ, а человек; само образование функционирует и развивается благодаря человеческому фактору.

Для этого нам, всем вместе, необходимо познать правду и сделать соответствующие выводы.

Многочисленные публикации авторитетных авторов, публичные выступления равнодушных граждан, наш личный опыт образовательной деятельности позволяет утверждать: в последние годы стал очевидным резкий, крутой перелом в сфере образования, который начался с Указа № 1 Ельцина и продолжается в ходе мероприятий по обсуждению, принятию и реализации нового закона об образовании. В результате чего возникли острые затруднения в формулировании и общем понимании идеологии, теории, методологии самого понятия «образование», сложилось тяжелое положение в управлении образованием, в организации каждодневной жизнедеятельности образовательного учреждения.

Кризис современного образования есть следствие исторических, культурологических, экономических, философских и нравственных ошибок на старте и в ходе так называемой модернизации России и образовательной системы; следствие кризисного сознания, основывающегося на постулате о радикальной несостоятельности если не всего, то многого из того, что было сделано в советский период нашего государства.

Кризис, кризисы, приступы и обострение касаются индивидуальной жизни каждого гражданина, а в особенности субъектов образовательного сообщества. В кризисном профессиональном сознании происходит смещение акцентов: от мировоззренческих основ образования к технологиям на разных уровнях и этапах; от трехмерного понимания сущности человека как главного смысла и показателя конечного результата образования к его моделированию, в котором нет места для человеческого; от исконной духовной традиции, «в которой есть прямое наставление человеку стараться быть лучше и выше самого себя, чтобы не пасть ниже» к формальным образовательным целям и стандартам; от оптимального управления образованием к бюрократическому одурманиванию, отвлечению от исполнения педагогической миссии.

Для этого необходимо согласиться с тем, что образование исторически, культурно, генетически связано с государством, обществом, человеком; каждый народ имеет, должен иметь только ему принадлежащее образование. *Образование национально по содержанию и характеру, государственно по мере ответственности за него.* Стратегическая задача сегодня состоит в том, чтобы возродить, воссоздать, восстановить культурный, образованный слой.

В свое время Павел Флоренский с сожалением говорил, что современные ему ученые выстраивают тюрьму из терминов. Наши современники – ученые – продолжают довольно интенсивно эту тенденцию, не задумываясь о последствиях. Чем больше новых понятий придумывает человек, тем более он дробит смыслы, загоняет себя на зону, удаляясь все дальше и дальше от Истины.

Многие педагоги превратились в «послушников» и стали разрабатывать «иноземные» понятия применительно к отечественному образованию, пренебрегая историко-культурным наследием, а скорее всего, предавая его. В одном из университетов, выросшем из педагогического института III категории, защитили кандидатскую диссертацию, в которой известный композитор превращен в дидакта современной педагогики, а в докторской диссертации, соглашаясь с тем, что образование есть услуга, предложили модель конкурентоспособного учителя. Подобным авторам не ведомо, что образование как историко-культурное наследие – в первую очередь – «явление духовной жизни».

В последние годы, читая статьи, диссертации, мы вынуждены задавать одни и те же вопросы: «чем озабочен автор?»; «что заставило его взяться за эту тему, проблему?»; «чему он удивляется, радуется?»; «что вызывает у него сострадание?».

Внешнюю атрибутику научного труда освоить несложно, и осваивают ведь, несмотря на постоянное повышение требований, уточнение норм и общего порядка со стороны ВАКа. Но где подлинность, как автор диссертации отделяет зерна от плевел, почему отсутствует самостоятельность мысли, рождающаяся из освоения наследия?

Новейший период педагогической науки под влиянием различных обстоятельств можно охарактеризовать как «методологическое вольнодумство и безответственность». Данная характеристика относится и к специальностям 13.00.01, 13.00.08. В педагогических исследованиях авторы уклоняются от анализа реальных процессов, большинство занимается моделированием подобно тому, как некоторые руководители рожают «семулякры»: абст-

рактные учащие и учащиеся погружаются в придуманную обстановку, а затем «исследователь» изучает их в виртуальной среде. В результате очевидное расхождение между замутненными намерениями и парадоксальными результатами.

Слабость, вернее, настоящий недуг современной педагогики состоит в ее отрыве от целостного восприятия целостного мира и целостного человека. При этом педагогика вынуждена абсолютизировать что-то одно, например педагогические условия, и этим самым оскопляет образование.

Педагогика находится между состоявшимся прошлым и возможным будущим. В начале XXI века мы, к сожалению, все еще нуждаемся в более совершенной педагогике, способной размышлять, опираться на такую философию педагогического знания, которая стремилась бы найти методологию изучения развивающегося человека в сложном противоречивом мире.

На кого надеемся и на что уповаем?

Надеемся на образованного человека, который является результатом национально-государственного образования, служит воспитанию, руководит образованием и страной. Он характеризуется следующими признаками:

- ясность, четкость и системность понятий, которыми оперирует;
- определенность, конкретность и гибкость мышления;
- умение обнаруживать нерешенные проблемы, ставить вопросы, выдвигать и верифицировать гипотезы;
- осознание связей между предметами и явлениями действительных тенденций в развитии процессов;
- способность предвидеть развитие события на основе тщательного анализа наличных тенденций, количество и качество умственных процессов и продуктов труда [9].

Уповаем на гармонию, лад, соборность философии, религии и педагогики. Несмотря на справедливую критику, педагогика – гуманитарная наука о развивающемся человеке в развивающемся образовании – располагает достаточным потенциалом для спокойного, бесконфликтного совершенствования отечественного образования, соединяя позвонки традиций и инноваций.

Современная педагогика (если она современная?) расширяет границы своих теоретических и практических интересов. Современный педагог (если он современный?!) вынужден внимательно отслеживать, что происходит в отечественной, в частности в воронежской, школе нравственной философии (В.П. Фетисов, В.В. Варава, И.О. Надточий).

«В основании философского импульса лежит вообще воля к существованию в бытии, а затем воля к осуществлению себя в культуре, которая, прежде всего, проявляется как чистое философское удивление, изумление, благоговение или философское отчаяние, стенание, вопрошание. В философии не возможен вопрос «что первично?», ибо первична сама философия со всеми своими вопросами [10].

Сторонники нравственной философии сформулировали смысл представлений о современной педагогике: «воля к существованию в бытии», что означает стремление понять человека, его состояние в реальной жизни, повседневной окружающей действительности; «воля к осуществлению себя в культуре» подразумевает понимание человека: к какой культуре он принадлежит, какими нравственными

ценностями она располагает, носителем, хранителем, транслятором каких ценностей является лично он.

И потому в педагогике возможен вопрос «что первично в образовании?». Ответ на данный вопрос таков: первичен человек, который удивляется, изумляется, благоговееет или отчаивается, стонает, вопрошает; человек развивающийся, ибо человек – смысл, цель, результат и субъект истории, культуры и образования.

Взаимодействие истории, культуры и образования подчинено наиглавнейшему – воспитанию гражданина России. Понимание данной задачи должно быть культурологическим, историческим, даже историсофским, сознающим ее инструментальность по отношению к духовности человека.

#### **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:**

1. <http://www.patriarchia.ru/db/print/3334783/html>.
2. Русский мир в XX веке : в 6 т. / под ред. Г.А. Бордюгова, А.Ч. Касаева; предисл. А.Т. Рыбакова. – М. : АИРО – XXI; СПб. : Алетейя, 2014.
3. Бордюгов Г.А. О проекте «Русский мир в XX веке» / Г.А. Бордюгов, А.Ч. Касаев // Русский мир в XX веке : в 6 т. / под ред. Г.А. Бордюгова, А.Ч. Касаева. – М. : АИРО–XXI; СПб. : Алетейя, 2014. – С. 10.
4. Неменский О.Б. Русофобия как идеология. Русский дом / О.Ю. Неменский. – М., 2014. – № 6. – С. 21.
5. К.Д. Ушинский и русская школа. Беседы о великом педагоге / под ред. Е.П. Белозерцева. – М. : Роман-газета, 1994.
6. Распутин В. Последний срок: диалоги о России 1993–2003. Трудные времена глазами писателя и журналиста / В. Распутин, В. Кожемяко. – М. : Воскресенье, 2005. – С. 154–155.
7. Корольков А.А. Драма русского просвещения / А.А. Корольков. – СПб., 2013. – С. 33–36.
8. Фетисов В.П. Философия морали. Тоска по русскому аристократизму / В.П. Фетисов. – Воронеж : Квадрат, 1995.
9. Рапацевич Е.С. Золотая книга педагога / Е.С. Рапацевич. – Минск : Современная школа, 2010. – С. 268.
10. Варава В.В. Неведомый Бог философии / В.В. Варава. – М. : Летний сад, 2013. – С. 252.